На заметку стихотворцу

Памятные литературные даты марта

5 марта – 90 лет со дня рождения **Семена Петровича Гудзенко** (1922 – 1953), советского поэта, фронтовика, автора сборников стихов: «Однополчане», «Курская тетрадь», «После марша», «Битва», «Закарпатские стихи», «Солдатские стихи», «Новые края»; поэм: «Памяти ровесника», «Подвиг ровесника», «Лирическая хроника», «Дальний гарнизон»; армейских записных книжек, переводов.

13 марта – 90 лет со дня рождения **Давида Никитича Кугультинова** (1922 – 2006), калмыцкого советского поэта, автора поэтических сборников: «Стихи юности», «Глазами сердца», «Заслужить бы друга любовь...», «Я твой ровесник», «Близь и даль», «Возраст», «Зов апреля», Память света», «Жизнь и размышления»; поэм: «Моабитский узник», «Желтая вода», «Сар-Герел», «Бунт разума».

14 марта – 90 лет со дня рождения **Федора Григорьевича Сухова** (1922 – 1992), нижегородского советского поэта, фронтовика, автора сборников стихов: «Поспевают ягоды», «Половодье», «Дождь сквозь солнце», «Стихи», «Голубая улица», «Малиновый звон», «Лепестки», «Моя жар-птица», «Красный Оселок», «Мое призвание», «Былина о неизвестном солдате», «Светло красуйтесь», «В гостях у незабудок», «Земляника на снегу».

15 марта – 75 лет со дня рождения (1937), **Валентина Григорьевича Распутина,** советского писателя, автора повестей: «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой», «Пожар»; рассказов: «Край возле самого неба», «Костровые новых городов», «Век живи – век люби», «На Индигирке, рядом с океаном», «Дочь Ивана, мать Ивана» .

31 марта – 130 лет со дня рождения **Корнея Ивановича Чуковского** (Николая Васильевича Корнейчукова, 1882 - 1969), русского писателя, критика, литературоведа, детского советского поэта, автора книг: «От Чехова до наших дней», «Нат Пинкертон и современная литература», «Искусство перевода»; воспоминаний: «Современники», «Репин, Горький, Маяковский, Брюсов», книги шаржей и автографов «Чукоккала»; стихов для детей: «Крокодил», «Мойдодыр», «Тараканище», «Муха-цокотуха», «Чудо-дерево», «Бармалей», «Федорино горе», «Телефон», «Айболит», «Краденое солнце», «Приключения Бибигона»; книг о детской речи: «От двух до пяти», «Маленькие дети», книги о русском языке «Живой, как жизнь»; литературоведческих исследований: «Люди и книги шестидесятых годов», «Мастерство Некрасова»; переводов английских и американских авторов.

Из стихов наших юбиляров

***

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским
журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

Семен Гудзенко

***

Забыв про землю, глядя ввысь,
О землю, друг мой, не споткнись!
Забыв про небеса, однако, –
Ослепнуть можешь ты от мрака.

Свет женщины

Посвященные женщинам строки –
Поэтической правды предел,
Плод ума и таланта высокий –
Прочитал я и словно прозрел.
....
Потеряло внезапно значенье
Все, что важным казалось вчера,
В золотистом ее изумленье,
В тихом свете любви и добра.

Давид Кугультинов

***

Знать я впрямь сочинитель,
и впрямь
Мне послушно
российское слово,
Что кленово, ольхово, ветлово
Прикипает к певучим губам.

Федор Сухов

Федотка

Бедный Федотка - сиротка.
Плачет несчастный Федотка:
Нет у него никого,
Кто пожалел бы его.
Только мама, да папа,
да бабушка.

Корней Чуковский

Монолог Валентина Распутина

У нас - поле Куликово, у них – «Поле чудес»

Мы не знаем, что происходит с народом, сейчас это самая неизвестная величина. Албанский народ или иракский нам понятнее, чем свой. То мы заклинательно окликаем его с надеждой: народ, народ... народ не позволит, народ не стерпит... То набрасываемся с упреками, ибо и позволяет, и терпит, и договариваемся до того, что народа уже и не существует, выродился, спился, превратился в безвольное, ни на что не способное существо.

Вот это сейчас опаснее всего - клеймить народ, унижать его сыновним проклятием, требовать от него нереального образа, который мы себе нарисовали. Его и без того беспрерывно шельмуют и оскорбляют в течение десяти лет из всех демократических рупоров. Думаете, с него все как с гуся вода? Нет, никакое поношение даром не проходит. Откуда же взяться в нем воодушевлению, воле, сплоченности, если только и знают, что обирают его и физически, и морально.

Да и что такое сегодня народ? Никак не могу согласиться с тем, что за народ принимают все население или всего лишь простонародье. Он - коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, врученные нации при рождении. А руда редко выходит на поверхность, она сама себя хранит до определенного часа, в который и способна взбугриться, словно под давлением миновавших веков.

Достоевским замечено: «Не люби ты меня, а полюби ты мое», вот что вам скажет народ, если захочет удостовериться в искренности вашей любви к нему». Вот эта жизнь в «своем», эта невидимая крепость, эта духовная и нравственная «утварь» национального бытия и есть мерило народа.

Так что осторожнее с обвинениями народу - они могут звучать не по адресу.

Народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлекать за собой многих. Все, что могло купиться на доллары и обещания, купилось; все, что могло предавать, - предало; все, что могло согласиться на красиво-унизительную и удало-развратительную жизнь, - согласилось; все, что могло пресмыкаться, - пресмыкается. Осталось то, что от России не оторвать и что Россию ни за какие пряники не отдаст. Ее, эту коренную породу, я называю «второй» Россией, в отличие от «первой», принявшей чужую и срамную жизнь. Мы несравненно богаче: с нами поле Куликово, Бородинское поле и Прохоровское, а с ними - одно только «Поле чудес».

Детский уголок Дмитрия Череданова

Живет в сормовском детдоме один паренек, Дима Череданов. Трудолюбивый, сообразительный, ответственный. Любящий свою родную деревеньку и скучающий по малой родине. А все переживания он выражает в своих стихах. На днях в редакцию передали стихи Димы с просьбой оценить его труд.

Нам они показались любопытными, искренними, идущими от мальчишеского сердца. Скажем одно: «Дима! Тебе Бог дал дар владения поэтическим слогом. Не теряй его, совершенствуйся. Тебе еще много предстоит сделать в жизни. Познавай правила стихосложения. Больше читай поэзию, литературу. А начало у тебя есть, и оно неплохое. Удачи!»

Кем же стать?

Кем же я мечтаю стать?
Может, музыку играть
Иль на сцене выступать...
Может, стать мне маляром,
Плотником иль столяром?
В школе год еще учиться,
Кем же мне определиться...
Слесарем хочу я быть,
Буду этот труд любить!

Мама

Сижу в детском доме,
скучаю о ней,
Грущу я о маме любимой своей.
Хочу, чтобы мама к себе забрала
Двоих моих братьев
со мной навсегда.
Ведь с мамой великое
счастье прожить,
И мы ей обиды готовы простить.

В деревне

Красивая местность,
И вид из окна!
Здесь, как на ладони,
Природа видна!
Красиво в деревне -
Чисто, свежо.
А город шумливый
От нас далеко.

Высокая скорость

Жил-был мальчишка
семнадцати лет,
Взял он у друга на время мопед.
И вот на мопеде стал он кататься,
Под сто километров
решил разогнаться.
Объехал машину, и в этот же миг
Навстречу мальчишке летит
грузовик...
Не мчи, как попало,
Запомни, мой друг!
А то и тебя
Тормоза подведут.

Рассказ Татьяны ФАЛАЛЕЕВОЙ

Это случилось в канун самого женского праздника – восьмого марта, в прошлом веке. На дворе, как говорится, стоял 70-й год.

Глубокая ночь... Метель... Последняя, заблудившаяся во времени метель.

По черно-серо-белому огромному заснеженному полю бредут две маленькие девушки, закутанные в легкие городские пальтишки и платки, с фибровыми чемоданчиками в руках. Метель просто-таки неистовствует, воет, слепит, как будто бы хватаясь белыми лапами за само Время.

Ни огонька. Ни звука мотора. Вообще – никакого сигнала, который можно было бы принять за признак жизни.

Куда они идут? Кто ждет их?

А выпало им такая судьба: быть сейчас вот здесь – в поле без границ и вешек.

Аня и Галя, подружки, практикантки-фельдшерицы из горьковского медучилища, сегодня в ночь заступили на свое первое в жизни дежурство. И не где-нибудь в родном и знакомом с детства городе Горьком, а в больнице Старого Кстова.

В палатах было тихо. Больные улеглись спать. Никто ни на что не жаловался.

Праздничное дежурство

И вдруг... Раздался резкий телефонный звонок: «Приезжайте скорее! Моему мужу совсем плохо!» Только адрес и успели записать. Схватили экстренные чемоданчики – и бегом в гараж, за машиной.

И тут... первая беда: машина сломалась. Водитель развел руками и только вздохнул:

– Придется вам, девчонки, топать ножками. Да не переживайте! Только поле перейти – и деревня сразу встретится! Во-о-он к тем домишкам идите!

И отправились Аня и Галя пешочком.

И все бы ничего – да вторая беда накатила: занялась метель, да такая сильная, что вмиг все дороги перемела, все ориентиры попрятала, все огоньки снежной заметью, как толстым занавесом, закрыла.

И пошли они наугад.

Шли, шли... Сначала жарко стало. Потом ветром тепло повыдуло, пот начал промерзать, девушки задрожали, застучали зубами да захлопали руками.

– Куда идти-то? – то и дело спрашивали они друг друга.

– Да куда? Вперед! Ведь не в Сахаре же мы, в самом деле! – сами же себе и отвечали.

А снегу все больше и больше. И никакого намека ни на деревню, ни на Старое Кстово, ни на дорогу шоссейную, ни на колею санного пути.

Сколько времени прошло – непонятно. Будто вечность кружилась вместе с ними.

И стало юным фельдшерицам страшно: а если заблудятся да не дойдут, да не помогут больному, да сами замерзнут? Вот позор-то! Вот так первое дежурство! Ой, только бы не упасть, только бы ампулы да шприцы не разбить!

И полились-таки быстрые слезы из их глаз.

– Вот тебе, Анечка, и восьмое марта – женский день! – всхлипнула Галя.

Аня лишь шмыгнула носом в ответ и побрела, с трудом волоча по сугробам ноги в валенках. Только и сказала:

– Хорошо, что в валенки обулись, а то бы вообще – хоть ложись да помирай!

И тут Аня увидела – то ли ей померещилось? – быстрый проблеск в пластах шевелящегося снега. Она закричала, как безумная:

– Галя! Смотри: огонек!!!

Они застыли и начали сверлить немигающими взглядами эту жуткую круговерть, не дающую даже дышать свободно...

И снова блеснул огонек.

Они, голося что-то невразумительное, смеясь и плача, кинулись на свет, понимая, что спасены! Спасены они, а значит, и помощь пришла к человеку, который ждет их, таких хрупких и ненадежных физически, которым метель приготовила ловушку! Выбраться же из нее городским жительницам столь юного возраста – было просто чудом необыкновенным!

Вот перевалились они через какие-то жерди, вот загавкала собака из-под сугроба возле темного сарая, вот померещилась изба...

Из избы-призрака на крыльцо выскочила вполне реальная женщина в платке, с допотопным керосиновым фонарем в руках:

– Сюда! Сюда! Это мы вас ждем!

Все трое ввалились в сени. «Скорая помощь» была похожа на двух снеговиков, которых хозяйка принялась энергично околачивать жестким дворовым веником.

И вот Аня и Галя в темной, прокопченной комнате.

И видят они: мужчина... стоит на коленях, облокотясь на кровать, и хрипло дышит. Дышит так, что свист и бульканье из его легких слышны без всяких фонендоскопов. По тому, как раздувается живот и судорожно движутся вверх и опадают плечи, по болезненному покашливанию, Аня и Галя сразу понимают: это крупозное воспаление легких.

И навалилась тут третья беда: как транспортировать больного, которому срочно нужна профессиональная помощь, кислород и прочие манипуляции?

– Ни одна машина к нам не пройдет в такую метель! Дорог просто нет! Как только вы сами-то добрались, девчата!– в отчаянии заплакала женщина.

Ничего тяжелее, чем эта, 8 Марта, предпраздничная ночь, не было больше ни у Ани, ни у Гали за всю их жизнь. А эту пробыли они вместе с больным. Сделали все, что только смогли. Ни на шаг, ни на миг не отошли от своего первого пациента, помогая ему пережить эти страшные, нескончаемые часы в осажденной метелью деревушке.

Утром трактор расчистил дорогу от Старого Кстова до деревни. Прикатила машина-бедолага из больницы, и Аня с Галей отвезли своего первого больного в стационар, откуда вышли в свой долгий путь двенадцать часов назад.

Потом уже они узнали, что ходу через поле было всего минут тридцать. Они же проплутали в нем несколько часов и лишь совершенно случайно заметили огонек от фонаря, который выставила для них на крылечко жена больного тракториста, как только разыгралась метель.

Вот так встретили свой женский праздник 8 Марта новоиспеченные, в бою, можно сказать, проверенные, юные фельдшерицы Аня и Галя. Тогда они поняли для себя самое главное: надо всегда идти на помощь, когда тебя ждут. Идти, несмотря ни на что.

С тех пор они отмечают день своего фельдшерского рождения 8 Марта и справедливо считают, что именно они, как на поле боя раненого, спасли своего первого пациента.

Литературную страницу подготовил Борис ЖУКОВ